

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ПРОТЯНЕМ ОГНЕННЫЕ РУКИ

МЫ И ОНИ

Боялись атомной войны,
ракетный щит ковали,
покуда сукины сыны
на кухнях завывали.

Шестидесятники, шенки,
питавшиеся кровью
насквозь прокушенной руки,
протянутой с любовью.

Россия им была чужда,
они другой породы,
шестиконечная звезда
манила их сквозь годы.

А мы? Мы слушали их вой
и утешали даже,
свои ракеты под Москвой
еще держа на страже.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 г. в семье офицера. Окончил Военно-инженерную академию им. Дзержинского, полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Щенки наглели и росли,
на нас со злобой глядя,
одну шестую часть Земли
гнилой слюной загадя.

И воют по ночам в Кремле,
грозя нам, что к рассвету
сгрызут на стартовом столе
последнюю ракету.

НЕОФИТ

Полковник бормочет псалмы,
уныло бренча на гитаре.
Впервые увиделись мы
на давней войне, в Кандагаре.

Он был капитаном тогда —
веселым, красивым, жестоким,
с боями входя в города
на Среднем и Ближнем Востоке.

Молитвы не знал ни одной,
зато знал бойцов поименно,
был пулей пробит разрывной,
контужен фугасной волной,
но не покидал батальона.

В бою матерился, ярься,
в тылу не терпел междометий,
вступил с медсестричкою в связь,
потом со второю и третьей.

Карьеры не сделал, хотя
в полковники все-таки вышел.
И вот говорит не шутя,
что Господа Бога расслышал.

А я говорю, что страну
напрасно мы сдали без боя,
что зря на свою седину
ссылаемся перед судьбою.

А он говорит, что грехи
замаливать время пробило.
И снова бормочет стихи,
бренча на гитаре уныло.

ВАГАНЬКОВО

Памяти Юрия Казакова

К ней не расчищены дорожки.
Метелями занесена,
на схеме около сторожки
не обозначена она.

И пробираясь по сугробам,
протискиваясь меж оград,
я думаю с невольной злобой
о людях, что вдали шумят.

Им и на кладбище кумиры —
актеры, барды, трепачи,
на чьи последние квартиры
дорог протоптаны лучи.

Господь воздаст и тем и этим —
ушедшим и пришедшим к ним.
...Он тихо жил на белом свете,
высоким гением храним.

* * *

Правда не в ненависти и не в силе.
Пусть вы у цели почти, —
кости обглоданной вами России
встанут у вас на пути.

И не помогут оружие и злато
вам на погостах земли,
где вас, иуды, спасли мы когда-то
от европейской петли.

* * *

Окончив суету земную,
я робко начал жизнь иную —
без упований и страстей
и политических вестей.

В деревне с именем Бирюльки
сбиваю по весне сосульки,
картошку ем, рублю дрова,
пишу заветные слова.

Без радио, без интернета,
без электрического света —
во тьме живу, хоть провода
и оживают иногда.

Зато есть озеро и поле,
а главное — покой и воля,
о коих говорил поэт
тому назад две сотни лет.

Его убили на дуэли.
А я умру в своей постели
или на озере умру,
рыбача в лодке поутру.

Ну а пока живу не плохо,
вот разве что клянчу эпоху,
себя, друзей, однополчан,
страну отдавших сволочам.

ТОЛЯСИК

Деревенский дурачок —
на лице улыбка —
бросил в озеро крючок,
чтоб ловилась рыбка.

Ни червя, ни поплавка
дураку не надо.
Как улыбка широка!
Сердце тоже радо.

— Эй, Толястик, как дела?
— Хорошо. Рыбачу. —
С ним авария была
и болезнь впридачу.

Покалечено бедро,
левый глаз не видит.
Но зато он весь — добро,
мухи не обидит.

Правда, может в дом скользнуть,
если дверь открыта,
и бутылку умыкнуть:
зря, мол, не допита.

Вновь на озеро придет,
удочку забросит,
весь в улыбке расцветет,
закурить попросит.

* * *

Сколько снегу навалило
и печалей намело!
Сердце начисто забыло
прошлогоднее тепло.

Выгребаю из сугроба
отсыревшие дрова,
чтоб от холода и злобы
не кружилась голова.

Неужели и природа
на Руси сошла с ума
и в другое время года
перекинулась зима,

и в 2010-м
зря за стенами Кремля
дрогнула под супостатом
раскаленная земля?

ОДИНОЧЕСТВО

“А у меня умирает собака...”
Плачущий голос. Далекий. Родной.
Долго она собиралась, однако,
поговорить и поплакать со мной.

Что ей скажу? Тишина в телефоне.
Сколько же лет нашей вечной любви?
Вот и судьба уже вся на ладони —
Богу хоть завтра ее предъяви.

Времени нет на высокие страсти,
низкие страсти давно не к лицу,
скоро в чистилищной воинской части
строиться мне на небесном плацу.

А у неё умирает собака!..
Господи Боже, прости нам грехи.
Как же она одинока, однако,
как же дела мои в мире плохи.

* * *

Вечер, всплески Вечного огня,
шорох листьев, мраморные плиты.
Есть еще надежда у меня,
что и мы не будем позабыты.

Дальний наш потомок в некий год,
девушке назначивший свиданье,
к лазерным скульптурам подойдет,
сокращая время ожидания.

Встанем, как живые, перед ним —
верю в достижения науки! —
Даже, может быть, заговорим
и протянем огненные руки.

С чудесами этими знаком,
он ответит на рукопожатье,
впрочем, глядя в сторону тайком:
не мелькнет ли дорогое платье?

Я готов хоть нынче умереть,
чтоб увидеть их перед собою...
Но сначала нужно дотерпеть
до исхода завтрашнего боя.

Поздравляем нашего дорогого друга и соратника с 60-летием!

Редакция “Нашего современника”